

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/10

***IT'S VERY PERSONAL, ИЛИ I DON'T REALLY CARE:*
ПРАЖСКАЯ ВЕСНА МЕЖДУ АФФЕКТОМ
И ДИСКУРСОМ**

Дмитрий Андреевич Бочков

Аннотация. Постсоциалистические идентичности, как полагают многие исследователи, опираются на заново переживаемый, травмирующий опыт коммунистического прошлого. Тем не менее, полевые данные, собранные в Чешской Республике в марте и июле 2018 г. и январе 2019 г., демонстрируют фрагментацию травматического дискурса, связанного с Пражской весной, попытка реинтерпретации которой происходит в личном пространстве информанта. Будучи вытесненным из публичного обсуждения, травматический опыт 1968 г. переходит в сферу до-символического, «застревая» между аффектом и дискурсом (травма-промеж). Этот процесс является, говоря языком психоанализа, интроекцией – травматический опыт, в частности, связанный с семьёй, уходит в глубинные слои и сопровождается переносом в виде апатии. Моё исследование, таким образом, рассматривает реконтекстуализацию травматических нарративов в контексте кризиса культурной памяти.

Ключевые слова: Пражская весна, 1968 г., культурная травма, аффект, дискурс-анализ, память, объектные отношения

Большинство нарративов, которые артикулируются как в публичных, так и в частных дискурсах, или форм памяти, связанных с оккупацией ЧССР войсками стран Организации Варшавского договора 20–21 августа 1968 г., определяются как *травматические* (ср. Pehe 2018). Одним из контрапунктов в эволюции таких нарративов, безусловно, является 1989 г., Бархатная революция, после которой отчётливо прослеживается очевидная антикоммунистическая тональность, которая спустя 15–20 лет предположительно редуцируется (см.: Andělová 2018). Многие исследователи, например Стефан Трёбст, подчёркивают отсутствие единого дискурсивного консенсуса, связанного с коммунистическим прошлым (Трёбст 2011: 149), символическим апогеем которого можно назвать именно ввод войск ОВД в Чехословакию. Так, ответ на вопрос о том, сохраняется ли травматическое переживание, связанное с событиями 1968 г., не представляется очевидным.

Таким же образом, как личная травма конституирует невротическое самосознание (ср.: Freud 2003: 75), постсоциалистические идентичности опираются на травмирующий опыт коммунистического прошлого (ср.: Eyal 2004: 19–28; Holy 1996). Тот же принцип, давно ставший триумфом в *trauma studies* – символическое «повторение» (или комме-

морация) опыта, является фундаментом представления о культурной травме, существующей в принципиально другом пространстве. Кэти Карут, например, объясняет это повторение «чрезмерностью увиденного» (Карут 2009: 561), которое неизбежно подвергается символизации по мере того, как становится достоянием культурной памяти. Рассуждая же о «комплексной травме», Дэвон Хинтон и Байрон Гуд выделяют различные подходы для анализа одного и того же травмирующего опыта (с биологической, социальной, религиозной точки зрения) (Hinton and Good 2016: 51–52). По аналогии с этим один и тот же травмирующий процесс / событие¹ может существовать в публичном, приватном и персональном пространстве. Такая категоризация созвучна с «тремя измерениями памяти» немецкого культуролога Алейды Ассман (Ассман 2014: 31), чья логика заключается в переходе от индивидуального к коллективному.

В публичном пространстве символическое «повторение» осуществляется посредством социальных практик и культурных медиаторов, создающих общий травматический дискурс, определяемый как культурная травма (например, культурная травма Пражской весны² как события, повлиявшего на чешскую историю и национальную идентичность): «...культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации <...>. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов <...>; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы...» (Там же: 30–31).

В контексте Пражской весны такими медиаторами можно считать, например, произведения Милана Кундеры (*Невыносимая лёгкость бытия*), Давида Черни (*Розовый танк*) или Яна Хребейка (*Уютные норки*).

В приватном же пространстве существует так называемая трансгенерационная травма (см.: Schwab 2010), отображающая опыт, связанный с семьей и передаваемый через устные нарративы (предположим, индивид болезненно вспоминает умершего во время Пражской весны родственника). В данном случае можно легко провести аналогию по принципу функционирования с так называемой социальной памятью (Ассман 2014: 30), чьим «...носителем является социальная группа, сплоченная общим, регулярно обновляемым ресурсом воспоминаний, средой оказываются отдельные индивидуумы, обменивающиеся индивидуальными вариантами общих воспоминаний, а опорой – символические медиаторы, которыми пользуются эти индивидуумы» (Там же).

В персональном пространстве существует личная травма (например, будучи ребёнком, индивид увидел труп убитого во время Пражской весны), которая обходится без медиаторов, т.е. повторение происходит на досимволическом, преддискурсивном уровне. Такая травма является

аффектом. Например, в 1952 г. немецкий психоаналитик Паула Хайманн отметила, что дети склонны к тому, чтобы воспроизводить болезненный для них опыт во время игры (Heimann 2002: 323), что является защитным механизмом от травмы (ср.: Riviere 2002: 49).

«В случае с нейронной памятью носителем является человеческий организм и его мозг, средой – социальное окружение и его рамки памяти, а опорой служат мемориальные стратегии...» (Ассман 2014: 30).

С такими мыслями я впервые посетил Чешскую Республику в марте 2018 г., ожидая столкнуться с конвенциональными проявлениями культурной травмы – социальными практиками, передающими память о событиях Пражской весны от старшего поколения к младшему. Предполагалось, что 50-летняя годовщина должна только интенсифицировать мемориальные практики, связанные с 1968 г., а значит, консолидировать условно единый травмирующий дискурс (Alexander 2012: 19), что, вероятно, должно было отразиться в нарративах информантов. Категоризация и изучение эволюции форм памяти о 1968 г. не входили в мои цели, акцент был поставлен на взаимодействии с информантом до непосредственного 50-летнего юбилея, в тот период, когда общественные процессы находятся в режиме «ожидания». Тогда моей целью было выявить механизм воздействия медиаторов на поколение, родившееся после Бархатной революции 1989 г., которое уже не имело возможности самостоятельно наблюдать реалии социалистической Чехословакии. Как известно, третье поколение не рождается с готовым представлением о травмирующем событии (Aarons, Berger 2017: 10). Я решил прибегнуть к методу спонтанных взаимодействий (spontaneous interactions) или неструктурированного интервью (unstructured interviewing) (Bernard 2006: 213–214) с информантами вследствие самой специфики работы с травмой и широты поля, а затем уже проследить конструирование и ре-интерпретацию травмы на материале устных нарративов (все цитаты даны курсивом, перевод – мой).

Во время сбора полевых данных в основном использовался английский язык в качестве третьего (между чешским и русским), нейтрального для создания комфортного пространства и общего контекста, в котором можно обсуждать травматический опыт – так как неродной для информанта язык не связан с травмой. С одной стороны, это приводит к определенной потере смыслов в нарративах, а с другой – к более осознанным и обдуманым ответам, поскольку информант формулирует мысль дважды. Необходимо отметить, что все информанты прекрасно изъяснялись на английском языке, многие же используют его как рабочий в повседневной жизни. Помимо этого, сама форма неструктурированных интервью, не предполагающая строгого следования перечню вопросов, соответствует принципу интересубъективности, а также стирает грань между исследователем и информантом (Bernard 2006: 213).

Во главе угла – опыт «проживания» (Там же). Именно такой метод позволяет выявить «персонализированное» значение в нарративе (Rampton 2007), в том числе в контексте взаимодействия нарративов (Duranti 2015: 180–181). Поскольку многие паттерны и узловые точки (nodal points) дискурсов (Laclau, Mouffe 2001: 113) повторяются, я не буду их дублировать для подтверждения того или иного тезиса.

Полевые данные, использованные в статье, были собраны в марте, июле 2018 г. и в январе 2019 г. В марте во время полевой работы был проделан маршрут Прага – Млада-Болеслав (центр Чехии) – Дечин – Ческа-Липа – Либерец (север Чехии) – Карловы Вары (запад Чехии) – Прага. В июле полевая работа велась по маршруту Острава – Брно (восток Чехии). В январе полевая работа велась в Праге. Форма неструктурного интервью не предполагает предварительного знакомства с информантом, поэтому спонтанные взаимодействия и включённое наблюдение проходили в местах скопления людей – в барах, на площадях, в центрах городов, а также в транспорте (такси, поезд) и в инфраструктурных точках (платформы, станции, автобусные остановки).

Александр Эткинд определяет миметическое горе (т.е. результат культурной памяти о травме) как неотъемлемый компонент идентичности группы (Эткинд 2018: 10–12). В связи с этим я рассчитывал проследить влияние Пражской весны как культурной травмы на чешское поколение пост-1989 г. Однако предварительные полевые данные отражают то, что можно назвать кризисом социально-культурных медиаторов относительно 1968 г. Единственный пример упомянутого культурного артефакта:

О, тебе нужно посмотреть «Уютные Норки» (чешский фильм 1999 г. на тему «Пражской Весны». – Д.Б.)³.

Зато многие информанты часто упоминали такие важнейшие в контексте травмы социальные практики, как историческое образование (Felman 1992: 54) или официальную коммеморацию 21 августа⁴. Тем не менее уроки истории в школе, судя по всему, не выполняют свою функцию медиатора, так как период после Второй мировой войны, по словам информантов, не входит в школьную программу.

Я опять в баре Кракога, изящно скрытом от посторонних глаз. Информанту № 9 (Т.) 27 лет, и он работает младшим научным сотрудником в Пражском экономическом университете и там же преподаёт. Он явно заинтересован во мне, подходит, отходит, возвращается, приводя за собой новых и новых информантов.

[Изучаете ли вы Пражскую весну в школе?] Не особо. У нас странная схема: по школьной программе мы начинаем с каменного века и всяких древних времён, а потом заканчиваем Второй мировой войной, так как у нас нет времени двигаться дальше. Вот так вот⁵.

После ряда уточняющих вопросов Т. заключает:

В принципе, это зависит от желания учителя, выделять на это время или нет. Однако, кажется, что большинство из них сами не знают, как об этом говорить⁶.

Об этом говорят практически все информанты, если речь заходит о школьном образовании. Это даёт основания предположить, что историческое школьное образование не выполняет свои коммеморативные функции и персонализируется.

В Кракога всегда много студентов, среди которых мне в глаза бросается S., потому что на нём футболка с изображением надгробия, на которой написано «1948–1989», – очевидная отсылка на «эру коммунизма». Ему 25 лет, учится в Карловом университете. Что важно, информант представляется сыном бывшего политзаключённого, пострадавшего после 1968 г., видимо, поэтому он *готов* разговаривать о Пражской весне и делает аналогичный вывод (напоминающий перформативный сдвиг (Юрчак 2014: 76): форма коммеморации остаётся, смысл уже другой – нерабочий день), с которым соглашается группа его знакомых, сопровождавших его:

[2018 год – это год двух годовщин: создания Республики (см.: Kundera 1984; Kann, Zdeněk 1984) и Пражской весны. Какая годовщина важнее и почему?] Предполагается, что первая важнее, потому что она радостная и светлая. Всегда проще говорить о хороших событиях. Несмотря на то, что у нас есть национальный праздник в Августе, связанный с Пражской весной, люди обычно воспринимают его не как день памяти, а как выходной⁷.

Показательным является то, что в январе 2019 г. на Вацлавской площади, важном пражском lieu de mémoire, прочно связанным с самосожжением Яна Палаха в 1969 г. – главного чешского культурного символа⁸ эпохи подавления Пражской весны, находилось несколько памятных плакатов с надписью «1918–2018. 100 лет Республике⁹» и чешским национальным гимном. Данный кейс свидетельствует о чётком сдвиге в чешской культурной политике и культурной памяти 1968 г.

Судя по всему, это и приводит к тому, что многие представители молодого поколения упускают возможность ознакомиться с базовыми фактами о 1968 г., что может свидетельствовать об определённом кризисе культурной памяти. Например, информант из Либереца по имени Н. (примечательно, что разговор произошёл недалеко от либерецкой ратуши с мемориальной табличкой с именами погибших во время операции «Дунай») признаётся:

Я мало об этом слышал. Знаю, что было много русских танков. Они оккупировали Чехословакию. Тогда это была одна страна. Всё¹⁰.

Н. явно обескуражен, хотя стоит в компании знакомых. Он сам начинает расспрашивать меня о 1968 г., окружающие нас молодые люди с интересом меня слушают и периодически делают незначительные дополнения.

Вообще, многие информанты отказывались рассуждать о Пражской весне не из-за нежелания, а по причине незнания, демонстрирующего фрагментарное представление как о прошлом, так и о национальной идентичности. Реакцию тех, кто соглашался на взаимодействие и показывал свою заинтересованность, можно разделить на два частных травматических дискурса, которые семантически и эмоционально вбирают в себя большинство нарративов: «*Это очень личное*»¹¹ и «*Мне в общем-то всё равно*»¹². И первый и второй вариант демонстрирует достаточно личное отношение к травме Пражской весны, часто пропущенное через семейный опыт посредством интроекции (Klein 2002: 298) или проекции. В первом случае, информант(ы) впускает семейный травмирующий опыт в себя, во втором – исключает из себя плохой объект (Там же: 299). По всей видимости, и первая, и вторая реакция обусловлены определённым паттерном вины, который хорошо прослеживается в нарративах, связанных именно с семьёй.

Опять Кракога, меня туда уже зовут прийти вечером и поговорить, и я не могу упустить такую возможность. У информанта № 6 (V.) грустные и серьёзные глаза, он молодо выглядит, он 19-летний студент. V. сам подходит ко мне с предложением рассказать что-нибудь о 1968 г. и делится такими переживаниями:

*Мои мама и бабушка не разговаривали 10 лет; мои родители до сих пор обвиняют их в случившемся. Тем временем бабушка всё ещё верит в коммунистические идеалы и не чувствует себя виноватой*¹³.

Через некоторое время V. делает следующий вывод:

*Сегодня очень трудно найти нейтральный способ [поговорить]. И я считаю, что чувство вина – то, что мешает разговору*¹⁴.

Один из информантов из Остравы даже обвиняет своего деда во лжи (впрочем, не конкретизируя)¹⁵. Многие информанты завершали взаимодействие после вопросов о Пражской весне, поскольку они вызывали у них неудобство. Жаркий день, окраина Брно. Информант № 12 (D.) пьёт со мной кофе; ему 52 года, но он замечательно говорит по-английски, мы живо обсуждаем современную чешскую политику и конец эпохи нормализации. Однако он отказывается говорить о 1968 г., потому что его отец работал в КГБ¹⁶. Ему стыдно.

Любопытные сведения даёт информант № 2 (D.), очевидец событий августа 1968 г., в то время он жил в Либереце:

*Это был ужасный шок для наших родителей, для всех нас. Пражская весна – не то, чем я хочу делиться со своими детьми*¹⁷.

На момент оккупации D. было 16 лет, после августа 1968 г. его семья эмигрировала в ФРГ, где он и выучил английский. Вернулся он обратно в Чехословакию уже после Бархатной революции.

Зато информант № 9, показывая своё безразличие, прибегает к контексту национальной идентичности, которую раздражает и провоцирует травма:

*Честно говоря, я космополит, так что всё это меня не касается*¹⁸.

Неосведомлённость и нежелание говорить, судя по всему, происходят из-за того, что заново «переживаемый» травмирующий опыт (в том числе и во время спонтанного взаимодействия) не формирует условно единый (публичный) дискурс, на котором базируется культурная травма и культурная память. Исследователь Вероника Пехе, в частности, полагает, что идеалистический общественный посыл августа 1968 г. – важный чешский культурный символ – не коррелирует с сегодняшним прагматическим дискурсом (Pehе 2018). Фрагментацию травматического дискурса можно наблюдать в устных нарративах информантов, если предположить за дискурсивные узловые точки четыре аспекта культурной травмы, выявленных социологом Джефффри Александером (Alexander 2012: 17–19).

1. Характер боли (the nature of the pain) проявляется, например, в политическом дискурсе (*Нельзя быть нейтральным, если в правительстве сидят коммунисты. Вы должно быть слышали, что на предыдущих выборах они получили 7 или 10%*¹⁹, – энергично говорит К., 23-летняя студентка из города Бржецлав), который является проекцией травматического опыта 1968 г. Более яркий пример подобной проекции – «компарация» 1968 г. и Крымского кризиса 2014 г., Чехословакия и Украина в качестве жертв (*Я уверен, что мы должны её помнить [Пражскую весну], потому что подобная [ситуация] может повториться. Взгляните, например, на Украину*²⁰). J., молодой таксист звучит очень уверенно и, судя по всему, цитирует чешское СМИ; после 2014 г. параллель между чехословацким и украинским опытом – очень распространённый паттерн, в том числе и в чешском публичном дискурсе (Andělová 2018). Также можно выделить исторический дискурс (*Всё же очевидно, это была оккупация и всё*²¹, – спокойно и холодно произносит информант № 8, 20-летний студент, смотрит мне прямо в глаза, не отводя взгляда и не моргая) и взаимодействие внутри семейного пространства (*Для меня Пражская весна – это личный опыт. Из-за этого у нас в семье был конфликт поколений*²²).

2. Природа жертвы (the nature of the victim) может быть самой разной. Информант № 11 утверждает, что вся нация является жертвой (*Я имею в виду, что это действительно поменяло нашу национальную историю*²³). Информант № 10, совсем молодой парень, однако прояв-

ляющий интерес к истории Чехии, подчёркивает не-персональный характер травмы и проявляет определенную апатию (*Разумеется, по идее, 1968 г. должен быть национальной травмой, но признаться честно, лично меня это не касается*²⁴).

3. Отношение между жертвой травмы и остальной частью общества (the relationship between the trauma victim and the wider audience) имеет ярко выраженный генерационный подтекст. Например, информант № 1 выделяет именно молодое поколение как не-травмированную часть чешского общества (*Думаю, что это не такая уж и травма, как Вы хотите её видеть, потому что кажется, что молодое поколение ничего об этом не знает*²⁵). Опять появляется паттерн неосведомлённости и незаинтересованности поколения пост-1989 г. в коммунистическом прошлом, который представляется усвоенным и осознанным. Информант № 7, 20-летний студент, который также представился как внук бывшего политического заключённого, утверждает:

[*Вижу, что тебе не сложно говорить о Пражской весне. Это вообще проблема или нет?*] *Разумеется, об этом очень трудно говорить, даже для меня. Не говоря уже о моих сверстниках. Главная проблема – невежество*²⁶.

После ряда уточняющих вопросов он делает неутешительный обобщающий вывод:

*Чехи вообще ленивы в плане менталитета как в политике, так и в истории. Наверное, это из-за нашего прошлого. Я имею в виду, то, что мы были под австро-венграми, потом под Советами, оставило свой след*²⁷.

Неспособность рассуждать о прошлом – характерная черта не только устных нарративов многих информантов, но и публичного дискурса; Франсуаза Майер ещё в 2004 г. отмечала в разговорах о коммунистическом прошлом чехи довольствуются намёками и молчанием (Mauger 2004: 10, 12).

4. Возложение моральной ответственности (the attribution of moral responsibility) – важный компонент культурной травмы, основанной на амбивалентной паре жертва–преступник (Ассман 2014: 74). В этом случае можно выделить три дискурса: вина СССР как агрессора (*Я считаю, что это вина советской международной политики*²⁸) – типичный паттерн «чешское» – жертва / «советское» – агрессор, важный для конструирования национальной идентичности (ср.: Holey 1996). Потом вина чешского правительства как провокатора (*Это может быть ошибка Дубчека, который не договорился с Брежневым и начал реформацию слишком рано*²⁹), – утверждает Д., свидетель 21 августа из города Либерец) и вина чешского народа, сделавших «неправильный» выбор в 1946–1948 гг. (*Чехи искренне проголосовали за коммунистическую*

партию³⁰, – с едва скрываемым сожалением резюмирует Ап., 37-летняя женщина из Карловых Вар).

Очевидно, что в основе нарративов лежат отголоски публичных дискурсов, которые, впрочем, неспособны объяснять и реинтерпретировать коммунистическое прошлое. Любопытно провести параллель с важной частью публичного дискурса о «Пражской весне», представленной музеем коммунизма в Праге, сам факт существования которого демонстрирует отсутствие дискурсивного консенсуса: значимый мемориальный и коммеморативный институт не является государственной инициативой и финансируется американским предпринимателем (Трѣбст 2011: 149). Многие тезисы, заявленные на стендах постоянной выставки музея, перекликаются с нарративами информантов, например, вина чешского народа: «Наивность и некомпетентность чешской буржуазии означало победу для коммунистов в Чехословакии»³¹.

Этот публичный дискурс, описывающий коммунистический период истории Чехии такими семантическими точками, как, например, «диктатура»³², «было продиктовано»³³, «ужасный»³⁴ или «неэффективный»³⁵ и внешне представляющий собой законченную и бескомпромиссную смысловую систему, содержит в себе имплицитное противоречие.

На многих стендах встречается слово, которое является важнейшей дискурсивной узловой точкой – «парадокс» / «парадоксально»³⁶ – показывающей неспособность реинтерпретировать коммунистическое прошлое. Подобная структура (два смысловых противоречия по логике дискурса в одном предложении, которые никак не объясняются) встречается довольно часто, например: «Таким образом, эти два предложения возвестили о коммунистической диктатуре, которая продлится 40 лет, без единого выстрела, но, парадоксальным образом, при большой народной поддержке»³⁷.

Юмор, часто появляющийся как дискурсивная черта, прекрасно отображает травму (см.: Garrick 2006), а точнее, реакцию на травмирующий опыт. Параллельно с этим, по логике дискурса, он работает как семантический нивелир коммунистических символов:

Люди не были в восторге от памятника [речь идёт о памятнике Сталину в Праге, демонтирован в 1962 г.] и в шутку называли его 'очередью за мясом'³⁸.

Впрочем, юмористическое высказывание, приписанное У. Черчиллю, вызывает сомнения в достоверности:

Если вы поставите коммунистов управлять пустыней Сахарой, то через пять лет там будет нехватка песка³⁹.

Это (не)вольное искажение ради эмоционального усиления может быть интерпретировано как стратегия вытеснения или отрицания, дви-

жимая паттерном вины, который приобретает в нарративах весьма персонализированный характер.

Возвращаясь к тезису о трёх пространствах травмы (публичное, приватное, персональное), нужно сказать, что Пражская весна, изначально заявленная как культурная травма, не принадлежит ни к одному из этих измерений, а точнее, не артикулируется ни в одном из них в полной мере. С похожей проблемой, но в контексте памяти сталкивается антрополог Нилима Джичандран во время полевой работы в Кочине, Республика Индия: такой тип воспоминаний нельзя полностью отнести к культурной, политической, социальной или любой другой памяти (Jeuchandran 2016: 116). Попытка реинтерпретации, наблюдаемая в нарративах, чаще всего персонифицируется, культурная травма пытается превратиться в персональную (т.е. модель Алейды Ассман переворачивается), движется в сторону экстра-дискурсивного (т.е. на грани дискурса) вследствие нехватки социально-культурных медиаторов и отсутствия условно единого дискурса. 1968 г. в представлениях молодого поколения находится между аффектом (личная травма) и дискурсом (культурная травма). Вопрос о том, забывается или игнорируется Пражская весна, представляется разумным, но некорректным: небольшие локальные социальные практики внутри семейного круга имеют место, но, тем не менее, этого недостаточно для конструирования культурной травмы. Семья становится чуть ли не единственным источником передачи памяти (медиатором), для многих информантов – первым⁴⁰, но и самостоятельным источником травмы. Такой тип травмы находится в лиминальной позиции, всегда где-то между и обладает собственной особой динамикой. В этом контексте показательно то, что президент Чешской республики Милош Земан проигнорировал мемориальные и коммеморативные практики в августе 2018 г. (см.: Andělová 2018). Я предлагаю обозначить этот тип как травма-промеж (*trauma in-between*) – это травма, «зажатая» между аффектом и дискурсом, обладающая своеобразной динамикой, которая проявляется при кризисе культурной памяти.

Примечания

¹ Автор поддерживает позицию С. Ушакина в диалектическом восприятии травмы как события и как процесса (см.: Ушакин 2009: 7).

² Здесь и далее под культурной травмой Пражской весны подразумевается **именно** оккупация ЧССР 20–21 августа 1968 г.

³ № 5, *Oh, you should watch Pelišky!*

⁴ 21 августа 1968 г. начался ввод войск в Чехословакию. Сейчас это день памяти.

⁵ № 9, [*Did you study the Prague Spring at school?*] *Not really. We've got a strange system: in our classes of history we start with the stone age and those ancient times, and then we finish with the Second World War, because we don't have time to move farther. That's it.*

⁶ № 9, *Actually, it depends on teacher's will, to make time for it or not to. But the majority of them doesn't seem to know how to speak about it.*

⁷ № 11, [2018 is a year of two anniversaries, of the creation of Republic (см.: Kundera 1984; Kann and Zdeněk 1984) and of the Prague Spring. Which one is more important and why?] *The first one is supposed to be the most important, and that's because it's happy and bright. It is always easier to speak about the good events. Despite that we have the national holiday in August because of the Prague Spring, but usually people consider it just as non-working day, not as a day of memory.*

⁸ Между прочим, до сих пор актуальный: 21 августа 2018 г. состоялась премьера фильма-байопика *Jan Palach*, реж. Robert Sedláček. Байопик получил главную премию чешских кинокритиков (2018 г.), любопытно, что аналогичную премию в 2013 г. получил мини-сериал *Hořící keř*, который также является экранизацией биографии Яна Палаха. Никто из информантов не упомянул эти культурные медиаторы ни в марте, ни в июле 2018 г., ни в январе 2019 г.

⁹ “1918–2018. 100 let republiky”.

¹⁰ № 3, *I heard little about it. I know that there were a lot of Russian tanks. They occupied Czechoslovakia. Then it was one country. That's it.*

¹¹ № 6, *It's very personal.*

¹² № 10, *I don't really care.*

¹³ № 6, *My mother and grandmother didn't talk for 10 years; my parents still blame them for the happened. Meanwhile grandma still believes in the communistic ideals and she doesn't feel guilty.*

¹⁴ № 6, *Nowadays it is very difficult to find a neutral way. And I think that the main feeling that prevent a conversation is guiltiness.*

¹⁵ № 5.

¹⁶ № 12.

¹⁷ № 2, *It was a terrible shock for our parents, for all of us. The 'Prague Spring' is not that kind of experience, with which I'd like to share with my children.*

¹⁸ № 9, *to be honest, I'm a cosmopolitan, all that stuff has anything to do with me.*

¹⁹ № 5, *You can't be neutral if you have communists in your government. You might have heard that they got 7 or 10% in the previous elections.*

²⁰ № 1, *I'm convinced that we should remember it ['Prague Spring'] because such kind of [situations] can happen again. Look at Ukraine, for example.*

²¹ № 8, *It's obvious, it was an occupation and that's all.*

²² № 6, *The Prague Spring is a personal experience for me. There was a collision between the generation in our family by reason of the Prague Spring.*

²³ № 11, *I mean, it really changed our national history.*

²⁴ № 10, *For sure, 1968 must be a national trauma, but, to be honest, it doesn't concern me personally.*

²⁵ № 1, *I believe that it's not such a trauma as you want it to be, because the young generation seems to know nothing about it.*

²⁶ № 7, [I see that it's not hard for you to talk about the Prague Spring. Is it a problem actually or not?] *For sure, it's very hard to talk about it, even for me. Not to mention all my peers. The main problem is ignorance.*

²⁷ № 7, *The Czechs are basically mentally lazy, in politics and in history. It might be because of our past, I mean, being under Austro-Hungarians, under Soviets has left a mark.*

²⁸ № 1, *On my opinion, this is the fault of the Soviet international politics.*

²⁹ № 2, *It might be the mistake of Dubček who didn't reach an agreement with Brezhnev and started the reformation too early.*

³⁰ № 4, *The Czechs sincerely voted for the communist party.*

³¹ The naivety and incompetence of the Czech bourgeoisie meant victory for the Communists in Czechoslovakia.

³² dictatorship.

³³ was dictated to.

³⁴ horrible.

³⁵ inefficient.

³⁶ paradox / paradoxically.

³⁷ Thus, with these two sentences a Communist dictatorship that would last for 40 years was ushered in without a single shot being fired, but, paradoxically, with great support from the public.

³⁸ People were not overly fond of the monument and they jokingly referred to it as 'the line for the meat'.

³⁹ If you put the Communists in the charge of the Sahara Desert, there will be a shortage of sand in five years.

⁴⁰ Например, для № 1.

Список информантов

№ информанта	Псевдоним	Пол	Возраст	Образование	Род деятельности	Место происхождения	Тип взаимодействия	Место взаимодействия	Разрешение использовать материалы для исследований следователей целей
1	J.	М.	29	Неизвестно	Таксист	Прага	Спонтанный	Такси	Да
2	D.	М.	66	Неизвестно	Неизвестно	Либерец	Спонтанный	Бар	Да
3	H.	М.	18	Технический университет Либереца	Студент	Родился в Zákuru, живёт в Либереце	Спонтанный	Бар	Да
4	An.	Ж.	37	Карлов университет	Неизвестно	Карловы Вары	Спонтанный	Станция	Да
5	K.	Ж.	23	Экономический университет Праги	Студент	Родился в Vřeslav, живёт в Праге	Спонтанный	Бар	Да
6	V.	М.	19	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
7	T.	М.	20	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
8	J.	М.	20	Экономический университет Праги	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
9	V.	М.	27	Экономический университет Праги	Учитель	Родился в Брно, живёт в Праге	Спонтанный	Бар	Да
10	J.	М.	16	Школа	Нет	Прага	Спонтанный	Бар	Да
11	S.	М.	25	Карлов университет	Студент	Прага	Спонтанный	Бар	Да
12	D.	М.	52	Неизвестно	Неизвестно	Брно	Спонтанный	Кафе	Да

Литература

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и политика. Перевод Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Карут К. Травма, время, история. Перевод Елены Трубиной // Травма: пункты / ред. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Трёбст С. 'Какой такой ковёр?' Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–180.
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / ред. Сергей Ушакин, Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Aarons V., Berger A. Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History and Memory. Evanston: Northwestern University Press, 2017.
- Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Andělová K. The Sound of Silence: How Czechs Commemorated the 50th Anniversary of the Prague Spring. 2018. URL: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/the-sound-of-silence-how-czechs-commemorated-the-50th-anniversary-of-the-prague-spring> (дата обращения: 04.04.2019).
- Bernard R. Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. Lanham: AltaMira Press, 2006.
- Duranti A. The Anthropology of Intentions. Language in a World of Others. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Eyal G. Identity and trauma: Two forms of the will to memory // History & Memory. 2004. № 16 (1). P. 5–36. DOI:10.2979/HIS.2004.16.1.5
- Felman Sh., Laub D. Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Routledge, 1992.
- Freud S. Beyond the Pleasure Principle. New York: Penguin Books, 2003.
- Garrick J. The Humor of Trauma Survivors: Its Application in a Therapeutic Milieu // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2006. Vol. 12, is. (1–2). P. 169–182. DOI: 10.1300/J146v12n01_09
- Heimann P. Notes on the Theory of the Life and Death Instincts // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Hinton D., Good B. The Culturally Sensitive Assessment of Trauma: Eleven Analytic Perspectives, a Typology of Errors, and the Multiplex Models of Distress Generation in Culture and PTSD: Trauma in global and historical perspective / ed. by D. Hinton, B. Good. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
- Holy L. The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Transformation of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Jeychandran N. Marginalized Narratives: Memory Work at African Shrines in Kochi, India // Excavating Memory: Sites of Remembering and Forgetting / ed. by Maria Teresia Starzmann, John R. Roby. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
- Kann R., Zdeněk D. The People of the Eastern Habsburg Land, 1526–1918. Seattle; London: University of Washington Press, 1984.
- Klein M. Notes on Some Schizoid Mechanisms // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Kundera M. The Tragedy of Central Europe // The New York Review of Books. 1984. № 31 (7).
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001.

- Mayer F. Les Tchèques et leur communism: Mémoire et identités politiques. Paris: EHESS, 2004.
- Pehe V. Remembering 1968 in Czech Republic: Living Trauma and Forgotten Ideals. 2018. URL: <https://zeitgeschichte-online.de/beitraege-thema/remembering-1968-czech-republic> (дата обращения: 05.04.2019).
- Rampton B. Linguistic ethnography, interactional sociolinguistics and the study of identities. 2007. URL: <https://www.kcl.ac.uk/ecs/research/research-centres/ldc/publications/workingpapers/the-papers/43.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).
- Riviere J. On the Genesis of Psychological Conflict in Earliest Infancy // Developments in Psychoanalysis / ed. by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Schwab G. Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma. New York: Columbia University Press, 2010.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2019 г.

Bochkov Dmitriy A.

IT'S VERY PERSONAL, OR I DON'T REALLY CARE: THE PRAGUE SPRING BETWEEN AFFECT AND DISCOURSE

DOI: 10.17223/2312461X/27/10

Abstract. According to many researchers, post-socialist identities rest on the experience of the communist past that is relived and continues to traumatise. Yet, field materials, collected in the Czech Republic in March and July of 2018 and in January of 2019, reveal the fragmented state of the discourse of trauma associated with the Prague Spring – an event now being reinterpreted in the informant's personal space. Pushed outside public debate, the traumatic experience of 1968 is moving to the sphere of pre-symbolic, getting 'stuck' between affect and discourse (trauma-in-between). In psychoanalytic terms, this process constitutes introjection, whereby traumatic experience, particularly the one associated with one's family, is buried deeply in one's mind and is accompanied by transfer in the form of apathy. Drawing on this analogy, the study presented in the article analyses how traumatic narratives are recontextualised in the situation of the crisis of cultural memory.

Keywords: Prague Spring, 1968, cultural trauma, affect, discourse analysis, memory, object relations.

References

- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Karut K. *Travma, vremia, istoriia*. Pervod Eleny Trubinoi [Trauma, time, history. Translated by Elena Trubina]. In: *Travma: punkty* [Trauma: points]. Ed. by Serguei Oushakine and Elena Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Troebst S. 'Kakoi takoi kover?' Kul'tura pamiati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoi Evropy: popytka obshchego opisaniia i kategorizatsii ['What carpet?' The culture of memory in East European post-communist societies: an attempt at general description and categorisation]. In: *Imperiia i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati: Sbornik statei* [Empire and nation as reflected in historical memory: a collection of articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011, pp. 142-180.
- Oushakine S. «Nam etoi bol'iu dyshat'?» O travme, pamiati i soobshchestvakh ['Is this pain here to stay?' On trauma, memory, and associations]. In: *Travma: punkty* [Trauma: points]. Ed. by Serguei Oushakine and Elena Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.

- Etkind A. *Krivoje gore: pamiat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Stories of the undead in the land of unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Aarons, V. and Berger, A. *Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History and Memory*. Evanston: Northwestern University Press, 2017.
- Alexander, J. *Trauma: A Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Andělová, K. *The Sound of Silence: How Czechs Commemorated the 50th Anniversary of the Prague Spring*. 2018. Available at: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/the-sound-of-silence-how-czechs-commemorated-the-50th-anniversary-of-the-prague-spring> (Accessed 4 April 2019).
- Bernard, R. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Lanham: AltaMira Press, 2006.
- Duranti, A. *The Anthropology of Intentions. Language in a World of Others*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Eyal, G. Identity and trauma: Two forms of the will to memory, *History & Memory*, 2004, no. 16 (1), pp. 5-36. DOI:10.2979/HIS.2004.16.1.5
- Felman, Sh. and Laub, D. *Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Routledge, 1992.
- Freud, S. *Beyond the Pleasure Principle*. New York: Penguin Books, 2003.
- Garrick, J. The Humor of Trauma Survivors: Its Application in a Therapeutic Milieu, *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 2006, Vol. 12, Is. (1-2), pp. 169-182. DOI: 10.1300/J146v12n01_09
- Heimann, P. Notes on the Theory of the Life and Death Instincts. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Hinton, Devon and Good, Byron. 2016. *The Culturally Sensitive Assessment of Trauma: Eleven Analytic Perspectives, a Typology of Errors, and the Multiplex Models of Distress Generation in Culture and PTSD: Trauma in global and historical perspective*, edited by Devon Hinton and Byron Good. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Holy, L. *The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Transformation of Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Jeychandran, N. Marginalized Narratives: Memory Work at African Shrines in Kochi, India. In: *Excavating Memory: Sites of Remembering and Forgetting*. Edited by Maria Teresia Starzmann and John R. Roby. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
- Kann, R. and Zdeněk, D. *The People of the Eastern Habsburg Land, 1526–1918*. Seattle; London: University of Washington Press, 1984.
- Klein, M. Notes on Some Schizoid Mechanisms. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Kundera, M. The Tragedy of Central Europe, *The New York Review of Books*, 1984, no. 31 (7).
- Laclau, E. and Mouffé, C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2001.
- Mayer, F. *Les Tchèques et leur communism: Mémoire et identités politiques*. Paris: EHESS, 2004.
- Pehe, V. *Remembering 1968 in Czech Republic: Living Trauma and Forgotten Ideals*. 2018. Available at: <https://zeitgeschichte-online.de/beitraege-thema/remembering-1968-czech-republic> (Accessed 5 April 2019).
- Rampton, B. *Linguistic ethnography, interactional sociolinguistics and the study of identities*. 2007. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/ecs/research/research-centres/ldc/publications/workingpapers/the-papers/43.pdf> (Accessed 9 April 2019).
- Riviere, J. On the Genesis of Psychical Conflict in Earliest Infancy. In: *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Karnac Books, 2002.
- Schwab, G. *Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma*. New York: Columbia University Press, 2010.